

Юй Юэтин и Хуай Синьхоу, хоть и покинули игру раньше срока, ушли на пике славы. Их сюжетная линия оказалась настолько яркой и эмоциональной, что ни о каком сожалении не могло быть и речи.

— Второй этап игры: «Я жду тебя очень давно» официально начат, — вновь раздался бесстрастный механический голос. — Прошу оставшихся троих участников принять свои индивидуальные задания.

Задания передавались каждому игроку лично через наушники, так что ни зрители, ни эксперты в студии не слышали их содержания.

— Вот это поворот! Начался настоящий саспенс! — оживился чат.

— Волнуюсь за свою девочку. Лицо холодное, а храбрости — с воробьиный нос.

— Кажется, мой «сынок» тоже струхнул. Он ведь надеялся на поддержку Мэн-Мэна, а их взяли и разделили.

Тонкий, нежный женский голос снова эхом разнесся по помещью, повторяя всё ту же знакомую фразу:

«Ты пришел... Я ждала тебя очень долго...»

Мэн Цзэчжоу, Цюань Ю'эр и Жань Ши были разделены по разным частям дома, и трансляция разделилась на три отдельных стрима.

— Мне снова становится не по себе. Кажется, впереди глухая тропинка, и там совсем нет света, — дрожащим голосом бормотала Цюань Ю'эр, лихорадочно приматывая фонарик к руке. — Теперь мне придется идти одной. Это испытание я должна пройти сама.

— Где же этот предмет? — Жань Ши уже всюду занимался поисками. Согнувшись в три погибели, он лихорадочно обшаривал центральный двор, подсвечивая себе фонариком. — Время моего задания ограничено! Если не успею, то проиграю.

Он продемонстрировал камере новые часы — игровой реквизит, полученный минуту назад.

— Видите? Обратный отсчет — десять минут. Одна уже прошла, нужно торопиться!

[До окончания задания «Перекресток» осталось: 09:00]

В отличие от напряженной атмосферы в стримах его товарищей, Мэн Цзэчжоу не спеша брел к заднему двору. Остановившись на мгновение у входа, он молча постоял, прислушиваясь к тишине, а затем толкнул тяжелую дверь и вошел внутрь.

— Почему я так нервничаю, когда трансляции разделяются? — Ли Цзяни в студии никак не могла найти себе места, нервно потирая плечи.

Юй Синхань с улыбкой спросил:

— Всё еще уверена в своем выборе?

— Конечно! — Ли Цзяни громко рассмеялась, а затем картинно сощурилась, изображая свирепость. — Мерзавец должен быть злодеем!

— А что думают Сяо Лин и Сяо Цзян? — поинтересовался Юй Синхань.

Лин Пэн, наконец дождавшись возможности высказаться, пустился в пространные рассуждения, едва ли не цитируя полученный заранее сценарий:

— Полагаю, Мэн Цзэчжоу и этот призрак в прошлой жизни были парой. Разлученные какими-то обстоятельствами, они сохранили любовь в сердцах. И теперь, встретившись вновь, они просто обязаны воссоединиться!

Слова «воссоединиться» и «любовь» он произносил с особенным нажимом. В чате тут же, словно грибы после дождя, посыпались восторженные комментарии шипперов:

— А-а-а, как это романтично!

— «Воссоединиться»... Почувствуйте вкус этих слов, вникните в суть!

— Только мне кажется, что Лин Пэн выглядит жалко? Его так грубо отшили, а он всё равно проявляет такое смирение.

— Таков наш «любящий муж», окружает заботой вопреки всему.

Зрители, вынужденные наблюдать за этим парадом фанатизма, наконец начали терять терпение:

— Если хотите шипперить, идите в свои паблики. Разве сейчас не важнее обсудить, кто здесь настоящий злодей?

— А что тут обсуждать? Лин Пэн уже всё разложил по полочкам.

— Провидицу прирезали!

— Мне кажется, всё не так просто, — возразил кто-то из здравомыслящих зрителей. — Глядя на историю Хуая и Юэтин, сомневаюсь, что сценаристы опустятся до такой банальщины.

— Согласен. «Злобная соперница»... С чего бы это лучшей подруге становиться стервой из-за мужика?

Несмотря на голоса несогласных, хештеги, купленные Лин Пэном, уже прочно закрепились в топах. Армия его фанатов заполонила чат, агрессивно огрызаясь на каждого, кто смел сомневаться. Поклонники других артистов предпочли не связываться с ними, решив просто проигнорировать этот поток хамства.

Пока Цюань Ю'эр, дрожа от страха, искала тропинку, а Жань Ши неистово перекапывал кусты, в стриме Мэн Цзэчжоу произошло первое открытие.

Обстановка в первой комнате заднего двора разительно отличалась от всего, что они видели раньше. Повсюду висели полотна красного шелка, а на бумажной ширме двери застыл изящный человеческий силуэт.

Мэн Цзэчжоу азартно потер ладони:

— Кажется, моя суженая явилась!

Он решительно шагнул вперед и распахнул дверь. В самом центре комнаты на деревянной подставке висел роскошный свадебный наряд, расшитый драконами, фениксами и парами уточек-мандаринок. Это была классическая одежда для церемонии.

Мэн Цзэчжоу осмотрел углы комнаты — пусто.

— Команда шоу знает толк в деталях, — он наугад взял со стола старую тетрадь. — А ведь снаружи казалось, что тень двигалась.

Он раскрыл тетрадь. Страницы были испещрены каллиграфическими иероглифами, выведенными в старом стиле.

«Жених: Чжу Шимэй, двадцати лет от роду, рожден в двадцатый день третьего месяца года Динхай.

Невеста: Юэ Циньяо, пятнадцати лет от роду, рождена в двадцать четвертый день шестого месяца года Жэньчэнь.

Сей союз да будет вечным, и сердца сольются в гармонии. Подобно цветущему персику в этот день, да принесет невеста благополучие дому; и в грядущие годы, подобно разрастающимся лозам, да множится род и процветает в веках».

Это было брачное свидетельство.

— Значит, я — Чжу Шимэй, а мою половинку зовут Юэ Циньяо. Довольно красивое имя, — задумчиво пробормотал Мэн Цзэчжоу.

Едва он замолчал, как прямо над ухом прозвучало тихое, едва различимое «спасибо».

Несмотря на то, что он был внутренне готов к встречам с паранормальным, это внезапное проявление вежливости заставило его вздрогнуть.

«Сестренка, честное слово, не нужно быть настолько тактичной! Так и до инфаркта недалеко!»

Он передернул плечами, сбрасывая невидимый озноб.

— Похоже, этот наряд приготовлен для меня. Придется на время исчезнуть.

С этими словами он снял свой пиджак и набросил его на объектив камеры. Экран трансляции мгновенно погас.

— Ой, Мэн-Мэн, к чему такая скромность!

— Принимает меня за чужую!

— Оградил себя! Неужели от меня?!

— Есть ли в этом мире хоть что-то, чего не должен видеть я — почетный SVIP-пользователь?!

— Вы только посмотрите на них... День-деньской их не заботит его актерская игра, только бы на тело поглазеть. Как не стыдно! Хотя... я тоже хочу посмотреть!

— Он всё такой же застенчивый, — Лин Пэн в студии сладко улыбнулся. — На съемочной площадке он тоже всегда так от меня прятался.

— Вот она, первая любовь!

— Настоящие пары ведут себя именно так!

— Те, кто избегает друг друга, — и есть истинная пара!

— Прямо сейчас пойду и заколочу дверь шкафа, чтобы они никогда не расстались!

— Этот Чжу, должно быть, и есть Мэн-Мэн в прошлой жизни. Стоит ему надеть свадебный наряд, как они тут же воссоединятся, — продолжал анализировать Лин Пэн. — Любовь сквозь века, как это прекрасно!

Ли Цзяни опустила голову, пряча скептическую усмешку, но когда снова взглянула в камеру, её лицо вновь сияло дежурной улыбкой:

— А мне почему-то жутко. Судя по датам в свидетельстве, этой даме сейчас должно быть под двести лет. Она явно давно в ином мире. Свадьба живого человека и призрака... Мороз по коже.

— Сестренка, это же любовь, не знающая преград! — Лин Пэн продолжал неистово отрабатывать сценарий. — Думаю, Мэн-Мэн, как и его старший брат учитель Хуай, отправился на фронт и погиб. А девушка... она лишила себя жизни из верности. Теперь они встретились, чтобы исправить ошибки прошлого. Если есть чувства, то какая разница, с кем вступать в брак?

— Он так его любит! Просто обожает!

— Передайте дальше: Лин Пэн и Мэн Цзэчжоу скоро поженятся!

Видя, что чат окончательно сошел с ума, Юй Синхань вовремя перевел тему:

— О, кажется, в стриме Жань Ши есть находка!

Весь перепачканный землей, Жань Ши разгребал палую листву, обшаривал кусты и простукивал ветки, пока наконец не обнаружил в щели между кирпичами плоскую деревянную шкатулку. Она чем-то напоминала современную визитницу. Внутри оказалось несколько сложенных листков бумаги.

Развернув первый, Жань Ши прочел:

«В четвертый день второго месяца года Гэнской, У Хо передает свою жену из рода Фан,

двадцати пяти лет от роду, телом крепкую, недугами не страдающую, в залог У Кану. Срок залога — три года. Сумма залога — сто восемь серебряных долларов».

— Что это?! — Жань Ши был в шоке. — Торговля людьми?

Он чувствовал, как дрожат руки, когда открывал второй листок:

«В первый день шестого месяца года Цзиюнь, Дай Ган, за невозможностью выплатить долг У Кану в размере двадцати шести серебряных долларов, отдает свою дочь Дай Чунью в залог семье У до тех пор, пока долг не будет погашен».

От этих строк у Жань Ши перехватило дыхание, а в глазах защипало. Он дрожащими пальцами развернул последний листок:

«В двадцатый день десятого месяца года Гэнсюй, Чжу Шимэй передает свою жену из рода Юэ, семнадцати лет от роду, телом крепкую, недугами не страдающую, детей не имевшую, с «золотыми лотосами» трех дюймов, в залог У Кану. Срок залога — один год. Сумма залога — двадцать восемь серебряных долларов и две коробки **. Договор еще не вступил в силу».

— Да что же это такое! — Жань Ши, хоть и понимал, что это всего лишь игра, не мог сдержать боли. Слова застревали в горле.

Он быстро вытер глаза, не обращая внимания на грязь на руках — сейчас ему было всё равно, как он выглядит в кадре.

— Последний договор еще не вступил в силу... У нас еще есть время!

Таймер на его часах замер, как только он нашел шкатулку. В стриме раздался знакомый механический голос:

[Поздравляем игрока Жань Ши с завершением задания «Перекресток»]

[Приготовьтесь к выполнению следующего задания: «Тайна, которую нельзя скрывать»]

[Время на выполнение: 15:00. Отсчет пошел]

В наушниках снова прозвучали инструкции. Красные цифры на часах сменились на 15:00 и начали стремительно убывать. Жань Ши аккуратно спрятал бумаги и громко шмыгнул носом:

— Времени в обрез, нужно поспешить.

Он тоже привязал фонарик к руке и бросился к круглой арке в правой части двора.

В этот момент трансляция Мэн Цзэчжоу возобновилась.

Свадебный наряд сидел на нем как влитой, будто был сшит специально по его меркам. Мэн Цзэчжоу подобрал подол длинного одеяния и опустился в кресло у стола. Его природная мягкость и элегантность в этом облачении, дополненном традиционной шляпой с птичьими перьями, превратили его в молодого господина эпохи поздней Цин, только что вернувшегося из-за границы.

Теплый свет ламп и неровное пламя свечей отбрасывали на его лицо причудливые тени, скрывая мысли и делая взгляд непроницаемым. Взяв со стола очки в круглой оправе, он сосредоточенно принялся протирать линзы краем рукава.

Казалось, именно это действие запустило новый сюжетный триггер. В комнате внезапно зазвучали накладывающиеся друг на друга голоса — эхо прошлого:

— Тебя отправили за океан, чтобы ты набрался знаний и послужил родине! А ты? Ты хочешь свести меня в могилу!

— Послушай мать, брось это проклятое зелье.

— В этот раз я сломал тебе руку. Если притронешься к трубке снова — переломаю ноги!

— Не трать слова впустую. Пусть курит, пусть хоть сдохнет! Нет у меня больше сына!

— Отец умер, не вынес позора, матери тоже недолго осталось. Шимэй, очнись!

— Мать нашла тебе невесту. Женись, остепенись и начни жить по-людски. Брат поддержит тебя, только завяжи с курением — и мы ни в чем не будем тебе отказывать.

— Твоя жена — такая прекрасная женщина. Почему ты не можешь просто жить с ней в мире? Зачем ты каждый день бежишь в опиумную курильню? Какая неведомая сила тянет тебя туда?!

— Как я смею тебе указывать?! Я твой родной брат! Кто еще позаботится о тебе, если не я?

— Шимэй, я ухожу на фронт. Больше я не смогу за тобой приглядывать. Умоляю тебя — брось это. Мне не нужны твои великие свершения, я просто хочу, чтобы ты остался человеком.

В комнате воцарилась тишина. Мэн Цзэчжоу медленно встал и подошел к стойке, где висел наряд. Там, за складками одежды, скрывалась длинная трубка для опиума. На черном

нефритовом мундштуке поблескивали блики света. Мэн Цзэчжоу некоторое время смотрел на неё, склонив голову, а затем протянул руку, снял трубку и заткнул её за пояс.

Когда он снова повернулся к камере, всё его естество преобразилось. Очки больше не могли скрыть жестокий, лихорадочный блеск в его глазах. На губах заиграла болезненная, порочная улыбка.

— Мне нужно найти её, — заговорил он, и его голос сорвался на хрип. — И обменять на опиум.

<http://bllate.org/book/16123/1587146>